

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ РАНХиГС

На правах рукописи

Лукшин Роман Сергеевич

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

5.7.7. Социальная и политическая философия

Аннотация
к диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Дахин Андрей Васильевич

Нижний Новгород – 2026

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью философского осмысления возможностей и условий гармоничного сосуществования и взаимодействия двух, на первый взгляд, противоположных начал – стремления к новациям и потребности в сохранении историко-культурного наследия. Современное общество находится в состоянии интенсивных трансформаций, вызванных как стремительным развитием технологий, так и глубинными изменениями социокультурной парадигмы. Эти процессы затрагивают все сферы общественной жизни, формируя новые запросы к структурам, институтам и формам взаимодействия. Одним из ключевых вызовов современной эпохи становится необходимость согласования векторов инновационного развития с сохранением культурной и исторической преемственности. В условиях цифровизации, глобализации, технологических и институциональных изменений возрастает риск утраты социальной памяти, которая играет фундаментальную роль в формировании идентичности, устойчивости и целостности социума. Одновременно с этим процессы социальных инноваций становятся неотъемлемым условием адаптации общества к новым реалиям, и эти процессы затрагивают все сферы общественной жизни, формируя новые запросы к структурам, институтам и формам взаимодействия. Одновременно усиливается интерес к феномену социальной памяти, которая выступает не просто как хранилище прошлого, но и как основание идентичности, социокультурной преемственности и устойчивости общественных систем. Социальная память обеспечивает целостность коллективного опыта, структурируя восприятие времени, традиций и ценностей.

Однако между этими двумя феноменами – инновационным развитием и сохранением памяти – возникает напряжение, противоречия и конфликты. Социальные инновации ориентированы на преобразование и переосмысление, в то время как социальная память стремится к сохранению и воспроизводству наследия, созданного предшествующей историей общества. Социальная память и инновации часто действуют как антагонистические силы: первая направлена на сохранение того, что было, вторая – на обновление его и трансформацию. В частности, отечественная традиция философского знания в лице славянофилов являет пример, когда ценность традиций (патриархальный уклад, православие, русская крестьянская община) противопоставлялась ценностям инновационного развития России XIX в. (индустриализация, урбанизация образа жизни, онаучивание мировоззренческой культуры и пр.). Другая ветвь отечественной философии – диалектический и исторический материализм – в XX веке даёт пример, когда ценности исторической инновации (социалистическая революция, диктатура пролетариата, пролетарская сознательность и пр.) противопоставлялись традициям, которые определялись как «родимые пятна прошлого», требующие удаления. В XX веке

убедительного решения спора между этими двумя ветвями отечественной философской культуры не было найдено.

Увлечение западными теориями и практиками «прогресса» вступает в противоречие с определениями его в качестве меры «изживания человека «по-научному»». Представления о западных memory studies как линейного одномерного процесса, который ведёт к плюрализму мнений, вступают в противоречие с представлениями о существенном различии, с одной стороны, западных и, с другой стороны, отечественных концептуальных оснований исследований памяти, которые ориентированы на формирование целостной философской теории социальной памяти. Кроме того, наблюдается различие западной политики памяти и отечественной политики памяти, которое наиболее отчётливо проявляется в отношении памятников и событий Великой Отечественной войны. Всё это актуализирует вопросы критического анализа философских подходов к пониманию природы социальной памяти, предлагаемых западными memory studies, критического анализа философских подходов к пониманию природы современности в аспекте отношений «традиция – новация».

В этом контексте, а также в контексте усиления геополитического противостояния стран Запада и России актуализируются вопросы об истоках основных социальных инноваций начала XX в., положивших начало различиям современной социальной организации общества, которые нашли свою первую форму проявления в различии общественной организации в СССР и в странах Запада, а теперь, в начале XXI в., проявляются в новых формах. В аспекте анализа роли социальной памяти в формировании таких различий, а также в аспекте взаимосвязи социальной памяти и новаций эти процессы обычно не рассматриваются, хотя факт столь продолжительного, устойчивого противостояния наводит на предположения об участии в этом структур коллективной социально-исторической памяти.

Концептуальное обоснование практики сноса исторических памятников под эгидой «десоветизации» и практики сноса исторической застройки под предлогом эффективности деятельности девелоперов позволяет заключить, что существуют значительные противоречия различных современных процессов, сулящих обществу прогресс и развитие, со структурами коллективной социально-исторической памяти современных обществ, которые требуют глубокого изучения. Поэтому философский анализ проблематики взаимосвязи структур социальных инноваций и структур социальной памяти необходим для поиска глубинных оснований интегрированности обоих феноменов в природе человека и общества, для осмысления их в качестве элементов единого процесса – процесса развития общества в его целостности. В этом контексте актуально выявление концептуальных,

социально-философских оснований формирования такой модели социальной организации, в которой инновационные процессы будут не разрушать, а органично встраиваться в структуру культурной преемственности, опираясь на ценности и смыслы, укоренённые в коллективной памяти.

Теоретико-философская актуальность исследования имеет и отчётливо выраженное региональное, российское измерение. Носителем коллективной социально-исторической памяти выступает не только государствообразующее сообщество в целом, но и конкретные региональные сообщества России, поэтому вопрос о гармонизации социальных инноваций и социальной памяти обнаруживает себя наиболее рельефно именно на региональном уровне - там, где расхождение между темпами институциональных и технологических новаций и сохранностью историко-культурного, этнокультурного и конфессионального наследия проявляется предметно и конкретно. Философское осмысление этой проблематики применительно к российским регионам представлено в исследованиях А.В. Дахина, посвящённых диверсификации социальных рамок коллективной памяти и специфике социально-исторического самосознания регионов России. Это обстоятельство делает избранную тему актуальной не только в общетеоретическом, но и в конкретно-историческом, региональном отношении - применительно к задачам сохранения целостности российского государствообразующего сообщества в условиях многообразия его региональных, этнических и конфессиональных составляющих.

Практико-ориентированная актуальность исследования обусловлена тем, что соотношение социальной памяти и социальных инноваций приобрело статус предмета острой международной политической борьбы. Политика ряда государств Запада в последние десятилетия последовательно движется в направлении пересмотра итогов Второй мировой войны - это проявляется в демонтаже и осквернении памятников советским воинам-освободителям в странах Восточной Европы и Прибалтики, в попытках уравнивать ответственность СССР и нацистской Германии за развязывание войны, в героизации коллаборационистских формирований. Показательно, что с 2005 г. Российская Федерация ежегодно выносит на голосование Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики...», которая неизменно поддерживается большинством государств – членов ООН, но систематически отклоняется рядом западных государств. Российская государственная политика, напротив, ориентирована на сохранение исторической правды о войне, что получило закрепление на законодательном уровне и содержательно раскрывается в ряде исследований. Данное принципиальное различие политик памяти демонстрирует, что вопрос о гармонизации

социальной памяти и социальных инноваций - не отвлечённая теоретическая конструкция, а предмет, имеющий прямое практическое, государственно-политическое значение.

Степень научной разработанности проблемы

В предметное поле исследования попадают две большие группы исследований, одна из которых отражает степень научной разработанности проблем социальной памяти и значимости фактора социальной памяти в обществе, а другая – степень научной разработанности проблем инновационных изменений в обществе. Наиболее ранние примеры философского осмысления роли памяти в процессах познания были представлены в диалогах Платона, в философско-религиозных учениях Древней Индии (учение о «карме» и др.), в философском наследии Конфуция (учение о роли традиции и ритуала). В западноевропейской философии тематика памяти отражена в текстах Парменида, Платона, Аристотеля, Плотина, затем в Средние века у Августина. Практики мнемотехники от Древней Греции до Ренессанса, исследование которых представлено в работе Ф. Йейтс, хотя и не были предметом специального рассмотрения в то время, но были частью философских представлений о значимости ораторского искусства, которое развивали представители школы античного скептицизма, римской философии, средневековой католической литургии, в которой понятие «вечная память» и другие стали частью молитвенного глоссария. В последующей традиции западноевропейской философии фактор памяти в качестве непосредственного предмета философского исследования появляется в теории познания Ф. Бэкона, Р. Декарта, Д. Юма, в работах европейских теософов (А. Безант и др.), в психологии З. Фрейда, в философии жизни А. Бергсона, В. Бенямина.

Если в западноевропейской философии от Античной Греции до Нового времени мыслители рассматривали в качестве значимого элемента мироздания память отдельно взятой личности (личности человека или личности Бога), то в XX в. появляется новый этап исследований памяти, которая стала рассматриваться как коллективный феномен. В этом качестве представления о социальной памяти демонстрируются в трудах М. Хальбвакса, а впоследствии порождают т.н. «memory boom», то есть активные концептуальные исследования различных проявлений коллективной памяти (П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. Винок, Я. Зерубавель, Э. Зерубавель, Я. Ассман, А. Ассман, П. Рикёр, Л. Кожокари, И. Шубрт, А. Конфино, В. Кустейнер, и др.) и массовых проявлений индивидуальных состояний памяти, связанных с феноменом холокоста, с феноменом «вьетнамского синдрома» (культурной травмы), с формированием Европейского союза и пр. Это разнообразное по предметам исследований и по плюрализму концепций поле получило название *memory studies* и в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в. стало основным источником

интереса отечественных исследователей в этой области. Обобщающие, систематизирующие работы по западным memory studies были изданы П. Хаттоном, Ф. Йейтс, Ж. Ле Гоффом, П. Рикёром и др., а также рядом наиболее часто цитируемых в отечественной литературе представителей западных memory studies — Дж. Оликом, Я. Кубиком и М. Бернхардтом, Р.Н. Лебоу (в соавторстве с В. Кансштайнером и К. Фогу), Д. Лоуэнталем, А. Сиерпом и др. Российские исследования также содержат примеры систематизации, комплексного анализа исследований в области memory studies, к числу которых относятся работы Д.А. Аникина, О.Т. Лойко, Ф.В. Николаи, С.Ю. Анисимовой, А.Г. Васильева и др., а также отражают критический подход к западным memory studies и определяют их концептуальные отличия от отечественной традиции гуманитарных исследований в этой области (Дахин А.В.).

В рамках настоящей работы западные memory studies рассматриваются с критических позиций, что позволяет выявить слабые стороны этих подходов, фрагментарный характер описания феномена социальной памяти. С опорой на отечественные традиции гуманитарного знания рассматриваются пути преодоления фрагментарности и достижения целостности в осмыслении феномена социальной памяти в аспектах диалектики «индивидуальное — коллективное» и «субстанциальное — атрибутивное», что позволяет выявить роль социальной памяти в качестве ключевого элемента в системе взаимодействия традиции и инновации. Целостное понимание социальной памяти как культурно-мировоззренческого феномена служит необходимым основанием для последующего анализа её сопряжения с инновационными процессами и разработки модели гармонизации функций социального памятования и социальных инноваций в современном российском обществе.

Философско-культурологическое направление представляет для нашей темы наибольший интерес, поскольку охватывает широкий комплекс вопросов, отражающих различные аспекты диалектики «традиции — новации». Исследования взаимосвязи феномена «традиции» в культуре и феномена «социальной памяти» в культуре позволяют рассмотреть становление отечественных теоретико-методологических ресурсов целостного изучения природы коллективной социально-исторической памяти, к которым относятся идеи о преемственности византийской религиозной культуры и русского православия XV–XIX вв. (о. П. Флоренский и др.), идеи славянофилов о значимости патриархальных традиций православной крестьянской общины (А.С. Хомяков и др.), идеи общественно-политического консерватизма в общественном устройстве России XIX в. (И.А. Ильин и др.), идеи о «родовой памяти» народа как форме существования «сознания вообще» (С.Н. Трубецкой). В системе диалектического и исторического материализма XX в.

исследовалось «историческое познание» (А.И. Ракитов, В.Б. Устьянцев, и др.), «опережающее отражение», проблема «идеального», концептуализация представлений о традиции в культуре (Э.С. Маркарян), концепция системогенеза (А.И. Субетто, В.А. Шамахов и др.).

Отечественный философский дискурс по вопросам диалектики «традиции – новации» в XIX в. был связан с дискуссией между славянофилами и западниками, где оформилось противопоставление названных социальных феноменов. В XX веке в поле диалектического и исторического материализма диалектика «традиции – новации» рассматривалась по линии классового подхода к развитию общества, по линии связи научно-технической революции и теории социалистической революции, практики построения социализма в СССР. В 1990-е гг. это направление было вытеснено интересом к философии техники, технического прогресса. В постсоветской России в дискурсе по вопросам диалектики «традиции – новации» присутствуют как элементы отечественных теорий и концепций, так и элементы западных теорий «модернизации» (в том числе в аспекте модернизации России), «догоняющего развития», «технореволюционеров» (Э. Тоффлер), «современности» (Э. Гидденс), «лёгкой современности» (З. Бауман), «социальных изменений» (П. Штомпка) и др. Инновации рассматриваются как элемент современной социальности, как способность человека выходить за рамки данности «трансцендировать данное», как способ создания новых вариантов мышления и социального взаимодействия и в других аспектах.

Современные процессы инноваций в обществе и в государстве в философской и культурологической плоскости рассматриваются в работах Э. Тоффлера, У. Бека, А. Моля, П. Сорокина, М. Кастельса, П. Бурдьё, П. Бергера, Д.К. Деннета, Ж. Бодрийара, Ги Дебора, С. Жижека, А.А. Зиновьева, В.А. Кутырева, М.В. Масловский, Н.А. Хренова, А.П. Хохловой, О.Р. Чепьюк и др. Работы упомянутых авторов охватывают контент исследований, в котором отражены противоречия, конфликты, происходящие по линии отношений «человек – новация – традиция», что формирует своеобразный запрос на исследование возможностей гармонизации этой линии социальных отношений. Рассмотрение вопросов взаимосвязи традиций и новаций в контексте исследований социальной памяти представлено в работах А.Г. Васильева, позиция которого отражает характерное для отечественных исследователей представление о том, что «концепт традиции в современном социально-гуманитарном знании трансформируется в направлении, сближающем его с понятием культурной (социальной) памяти». Это положение вступает в противоречие с выводами исследований В.А. Кутырева о том, что современное западное социально-гуманитарное знание характеризуется тенденцией

«изживания «человека как традиции» «по-научному». Данное противоречие требует дополнительного исследования того, как современное социально-гуманитарное знание определяет отношения «социальная память – традиция – новация». Соединение отечественных традиций гуманитарных исследований XIX–XX вв. с волной *memory studies* и с современными западными теориями «модернизации», «изменений», «цифровой трансформации» общества создало актуальную область концептуально-методологических противоречий и разрывов, требующих философского рассмотрения и решения. В этом проблемном поле актуализируются вопросы возможностей, концептуальных и социально-политических оснований гармонизации политики памяти и политики инноваций в современных обществах, в том числе и в России.

Объектом настоящего исследования выступают современная социальная реальность, в которой присутствуют альтернативные формы социальной организации общества, альтернативные тенденции инновационных процессов и альтернативные концепции их описания.

Предметом настоящего исследования выступает отношение «социальная память – новации», которое рассматривается как неотъемлемая сторона современного общества и источник различных форм социальных новаций.

Цель исследования – определить роль социальной памяти в структуре современного общества, её значение в качестве фактора, действие которого обеспечивает дифференциацию форм и направления социальных инноваций, социальные противоречия, связанные с социальными инновациями, а также определить концептуальные основания гармонизации отношений «социальная память – новации» в контексте вопросов развития российского общества в XXI в.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Критический анализ философских подходов к пониманию природы социальной памяти.
2. Критический анализ философских подходов к пониманию природы современности в аспекте отношения «социальная память – новация».
3. Исследовать философские истоки современных концепций коллективной памяти и современности, традиции и новации, а также осуществить концептуализацию понятийного аппарата анализа диалектики взаимодействия социальной памяти и социальных инноваций.
4. Исследовать истоки основных социальных инноваций начала XX в., связанных с различиями социальной организации общества в СССР и странах Запада, в аспекте анализа роли социальной памяти в формировании различий, а также взаимосвязи социальной

памяти, новаций, в том числе роли памяти в движении новаций по линии «единичное – особенное – всеобщее».

5. Исследовать теоретические истоки современных представлений о социальной рамке организационно-государственной коллективной памяти и социальной рамке хозяйственно-экономической коллективной памяти, а также формы их взаимоотношений в альтернативных обществах стран социализма (на модельном примере СССР) и стран Запада (на модельном примере США).

6. Разработать концептуальную основу для современных исследований диалектики отношений «социальная память – новация», а также определить направления гармонизации отношений «социальная память – новация» в контексте вопросов социального развития России в XXI веке.

Методологической основой исследования выступает теоретическая концепция диалектики «единичного», «особенного» и «всеобщего» Э.В. Ильенкова, которая используется для описания социальной динамики инноваций, диалектическая концепция системно-деятельностного подхода Л.А. Зеленова, определяющая принципы анализа отношений «человек – мир» и дающая системное описание деятельности, концепция бытия – памяти А.В. Дахина, которая определяет социально-онтологические основания в природе социальной памяти и их связь с вопросами социальной динамики, а также вводит в научный оборот понятия «социальная рамка организационно-государственной коллективной памяти» и «социальная рамка хозяйственно-экономической коллективной памяти».

В качестве теоретико-методологической основы критического анализа современных концепций социальных трансформаций, изменений, инноваций использованы работы профессора В.А. Кутырева, которые определяют основные аспекты противоречий этих теорий и сущностной природы человека. Кроме того, в анализе современных социальных процессов исследование опирается на онтологические, философские и научные теории Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, А.А. Богданова, Л.С. Выготского, А.Ф. Лосева, Э.С. Маркаряна, А.А. Зиновьева, А.Г. Дугина, А.И. Субетто, Л.С. Васильева, С.Н. Гринченко, Р. Козеллека, Ж.-Ф. Лиотара, Ю. Муллиса и др. В критическом плане анализируются работы М. Вебера, А. Моля, Н. Лумана, З. Баумана, Й. Арнасона и др., а также работы ряда наиболее часто цитируемых в отечественной литературе представителей западных *memory studies* — Дж. Олика, Я. Кубика и М. Бернхардта, Р.Н. Лебоу (в соавторстве с В. Кансштайнером и К. Фогу), Д. Лоуэнталя, А. Сиерп и др. Поскольку задача настоящего исследования состоит не в исчерпывающем анализе всего многообразия западных *memory studies*, а в выявлении характерных для этого поля тенденций, круг анализируемых источников ограничен наиболее часто цитируемыми в отечественной литературе «основоположниками»; общим

для них философско-методологическим основанием выступает представление о социально сконструированной, дискретной природе памяти. Существенно при этом, что содержательный плюрализм концептуального аппарата западных *memory studies*, обусловленный многомерностью самого феномена памяти, не устраняет присутствующего в нём внутреннего социально-философского монизма — представления об изначальной раздробленности, дискретности социального опыта и субъекта, которому в настоящем исследовании противопоставляется не отрицание, а иной ракурс целостного восприятия предмета: целостная философская теория социальной памяти, не исключаящая рассматриваемое многообразие проявлений одного и того же феномена.

На этой концептуально-методологической основе для решения задач исследования применяются методологические принципы системности, которые описывают помнящие системы, принцип синтеза и целостности, которые применяются для интеграции отдельных аспектов предмета исследования, принцип анализа и диверсификации, который используется при изучении альтернативных направлений социальных инноваций, принцип развития, который используется для уточнения роли социальной памяти в структуре социальной реальности, принцип историзма, который используется для анализа истоков ряда современных концепций и социальных процессов, принцип сравнительности, который используется для выявления общих и отличительных черт различных модусов социальной реальности, принцип детерминизма, который используется в описании функциональных аспектов отношения «социальная память – новация», принцип критического мышления, позволяющий выявлять сильные и слабые стороны действующих теорий социальной памяти и современности.

Рабочие определения основных понятий диссертационного исследования опираются на теорию культурных традиций Э.С. Маркаряна, на представления Д.С. Лихачёва об историко-культурном наследии и «экологии культуры», а также на системно-деятельностный подход Л.А. Зеленова и последовательно используются на всех дальнейших этапах анализа. Социальная память понимается как совокупность структур и механизмов общества, обеспечивающих сохранение, воспроизводство и передачу социально значимого коллективного опыта в единстве предметно-деятельностной, знаково-ноэматической и идейно-мировоззренческой структур. Традиция понимается как содержательный, исторически определённый и социально значимый способ бытия коллективного опыта, сохраняемого и воспроизводимого структурами социальной памяти; традиция шире по объёму, чем историко-культурное наследие, которое понимается как предметно зафиксированная, материальная и духовная часть традиции (памятники, тексты, произведения искусства и пр.), доступная целенаправленному изучению и сохранению.

Историко-культурная преемственность понимается как процессуальная характеристика связи между сменяющимися друг друга состояниями традиции, обеспечиваемая действием социальной памяти. Инновация (в широком смысле) понимается как единичное или особенное отклонение от исторически сложившейся традиции, которое посредством действия социальной памяти может быть адаптировано и масштабировано до статуса всеобщей схемы деятельности общества; социальная инновация — новация в сфере социальной организации общества (институтов, норм, форм деятельности), в отличие от технологической новации; институциональная инновация - частный случай социальной инновации, связанный с изменением формальных норм и структур социальной организации. Развитие понимается как направленное, необратимое изменение общества, в котором диалектически связаны сохранение (традиция, память) и обновление (инновация). Деятельность понимается в системно-деятельностном смысле, разработанном Л.А. Зеленовым, как единство субъекта, объекта, средств, процесса и результата целенаправленного преобразования действительности, представляющее собой родовую характеристику человеческого бытия. Совокупность приведённых рабочих определений составляет авторскую концептуализацию отношения «социальная память – традиция – новация», последовательно применяемую при критическом анализе рассматриваемых далее философских подходов.

Научная новизна исследования заключается в философском обосновании необходимости и возможности гармонизации действия социальных инноваций и действия социальной памяти как взаимодополняющих процессов социального развития современного общества.

1. Предпринят критический анализ философских подходов к пониманию природы социальной памяти, который позволил определить особенности западных *memory studies* и отечественных философских исследований социальной памяти, определить основное противоречие этой сферы исследования социальной природы человека, охарактеризовать проявления этого противоречия в различиях подхода западных *memory studies* и отечественной тенденцией формирования целостной философской теории социальной памяти в контексте отношений «социальная память – традиция – новация», а также уточнить различия между социально-философской теорией К. Маркса (и опиравшейся на неё теории диалектического и исторического материализма) и современными теориями социальной памяти в России.

2. Предпринят критический анализ философских подходов к пониманию природы современности, который позволил определить основное противоречие в сфере исследования социальной природы человека (противоречие между социально-

онтологическим и социально-праксеологическим подходами), выявить связь с социально-философской теорией К. Маркса, а также охарактеризовать проявления в сфере исследований отношений «социальная память – традиция – новация», в частности в различиях между отечественными представлениями о развитии общества, характерными для диалектического и исторического материализма XX в. в СССР, и представлениями западной социальной науки XX в. об общественном развитии.

3. Диалектическая взаимосвязь социальной памяти, традиции и инновации в контексте современности представлена через введение в предметное исследовательское поле понятия «событие современности», которое позволяет дать целостное описание элементарной, «атомарной» таксономической единицы современной социальной реальности, позволяет определить модусы события современности, их внутреннюю диалектику, связанную с фактором социальной памяти, а также содержательно уточнить понятия - историко-культурное наследие, историко-культурная преемственность, социальная инновация в их связи с онтологическими основаниями социальной реальности. Конкретно-историческое наполнение всей диалектической конфигурации обосновывается на примере анализа социальной теории К. Маркса, в которой экономическая теория и революционная теория анализируются как элементы особенной научной и социальной инновации, уточняется её роль в образовании альтернативных направлений общественных преобразований начала XX в. в СССР и в странах Запада.

4. Определён центральный элемент концептуальной основы гармонизации отношений «социальная память – новации», который описывает действие социальной памяти на макроструктурном уровне организации общества и функционирует в качестве основы, обеспечивающей движение (или отсутствие движения) инноваций по линии «единичное – особенное – всеобщее», обеспечивающей непрерывность (или прерывистость, незавершённость) инновационного процесса.

5. В контексте исследования диалектики взаимосвязи социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти раскрывается внутренне функциональное строение макроструктурного элемента социальной памяти, его связь с социальной рамкой организационно-государственной коллективной памяти и с социальной рамкой хозяйственно-экономической коллективной памяти, а также определяется роль социальной памяти в формировании двух направлений развития социальной инновации, начальный этап которой был ознаменован появлением в XIX в. социально-философской теории К. Маркса и Ф. Энгельса, а заключительный этап – в XX в., когда новация обрела статус всеобщей схемы действия, который был ознаменован возникновением «общества

социализма» (рассмотрено на модельном примере СССР) и общества модерна (рассмотрено на модельном примере США).

6. Дано описание концептуального подхода к целостному пониманию отношений «социальная память – новация», на базе которого определены 4 основных измерения гармонизации отношений «социальная память – новации» применительно к вопросам развития современной России: 1) научное; 2) геополитическое; 3) российское внутривластное; 4) измерение, связанное с вопросами сохранения и развития российских традиционных духовных ценностей, сохранения «человека как традиции» в перспективе движения России к рубежу XXII века.

Положения, выносимые на защиту

1. Определены два фундаментально различающихся по философским основаниям подхода к исследованию социальной памяти, один из которых – это бесконечный плюрализм, характерный для западных *memory studies*, а второй – это целостное философское восприятие социальной памяти, которое характерно для отечественной гуманитарной культуры. В аспекте отношений «традиция – новация» для западных *memory studies* XX в. характерна тенденция исключения понятия «традиция» из исследовательского контекста, так что функционирование социальной памяти редуцируется к отношению, определяемому, в частности, в терминах «горячая опция» и «холодная опция» (по Я. Ассману), основой которых выступает процесс «изменений» и отношение «новация – новация», которое в более широком плане обосновывает направленность государственной политики западных государств на приоритеты транс- и постгуманизма. Альтернативная тенденция, характерная для отечественной гуманитарной культуры XX века, рассматривает природу социальной памяти, сохраняя и развивая концепцию диалектики «традиция – новация», которая в более широком плане рассматривается в качестве основы для обоснования направленности российской государственной политики как на приоритеты традиционных ценностей, так и на приоритеты инновационного развития.

2. Определено содержание основного противоречия философских подходов к пониманию природы современности в её взаимосвязи с феноменами социальной памяти, инноваций и традиций, обусловленное, во-первых, динамикой праксеологического поворота мировоззренческой культуры общества конца XIX – начала XX вв., то есть такой всеобщей схемой деятельности, в которой происходит нарушение диалектической взаимосвязи социально-онтологических и социально-праксеологических аспектов социальной реальности. В западных теориях *memory studies* названное противоречие проявляется в отрицании связи современности и традиции, в отрицании связи природы коллективной социально-исторической памяти с сущностной природой человека как

традиции, а также в преувеличении роли социальной памяти в качестве инструмента социальных изменений в актуальной социально-политической среде. В отечественных исследованиях социальной памяти проявление этого противоречия состоит в определённой растерянности и невязности в изучении концептуальной связи преемственности между современной тематикой исследований социальной памяти и контекстом отечественного диалектического и исторического материализма XX века. Определено также, что следствием указанного противоречия является противопоставление концепций современности без памяти, которая характерна для западных теорий современности, и концепций помнящей современности, представления о которой складываются и рассматриваются как перспективные в отечественной социальной философии и культуре.

3. В предметное исследовательское поле введено понятие «событие современности», которое отражает текучий характер современной социальной реальности, охватывает диалектику всех компонентов деятельности человека, включает контур её публичного восприятия, а также диалектику сфер социального бытия и социального существования общества. В качестве концептуальной основы исследований социальной памяти в контексте современности полагается отношение «событие современности – социальная память – социальная традиция», в свете которого определяется содержание диалектики традиционных событий современности и инновационных событий современности, которое сводится к тому, что критерием определения события современности в статусе традиционного или инновационного является его соотношение с онтологическим потоком-традицией, присутствие которого обусловлено действием социальной памяти. Действие социальной памяти является неотъемлемым элементом социальной динамики, в которой взаимосвязаны историко-культурная преемственность и социальные инновации, определения которых уточнены через из связь с перманентным преодолением барьеров социальных ротаций, смены поколений, по позволяет определить весь диалектический комплекс рассмотренных понятий как описание способности общества оставаться «тем же самым» по своей сути. Понятие «барьеры социальных ротаций» отражает наличие в социальной реальности поколенческих и иных социальных разрывов, которые препятствуют, перманентному присутствию традиции в социальном пространстве времени. В свете этого подхода традиционное событие современности определяется как модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества как «того же самого» по сути. Содержание и формы традиционного события современности имеют аналоги, прототипы в достоянии культуры сообщества, сформированной его предшествующей историей. Инновационное событие современности – это модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества как «того же самого», содержание и

формы которой не имеют аналогов и прототипов в исторически сложившемся достоянии культуры этого сообщества или представляют собой часть неизвестной ранее социальной традиции иного сообщества, или являются частью забытой традиции.

4. Цепочка диалектически взаимосвязанных функций социальной памяти, обеспечивающих движение (или отсутствие движения) инноваций по линии «единичное – особенное – всеобщее», определена в качестве внутренне целостной петли социальной памяти, встроенной в социальную реальность на уровне макроструктурной динамики. Целостный контур петли социальной памяти макроструктурного уровня обеспечивает непрерывность инновационного процесса, генерирует «спиральное» развитие инноваций, результатом которого становятся, с одной стороны, всё новые и новые всеобщие схемы деятельности в обществе и, с другой стороны, динамическое присутствие человека в качестве «того же самого» по своей сути на протяжении всей истории. Нарушение, разрушение, функциональная незавершённость целостности петли социальной памяти макроструктурного уровня в сфере социального существования проявляется в виде неприятия, остановки, отмирания, инноваций, отсутствия внедрений, а также в виде ослабления, утраты качества быть «тем же самым» (по своей сути) человеком и быть «тем же самым» (по своей сути) обществом, - то есть в виде утраты связи «современности» общества с его же собственной предшествующей историей. Под движением инновации по линии «единичное – особенное – всеобщее» понимается изменение социального статуса новации: от статуса единичного, случайного события в практике отдельного социального субъекта - через статус особенного, устойчиво воспроизводимого обстоятельства практики конкретной группы, - до статуса всеобщей схемы деятельности, разделяемой обществом в целом. Барьеры социальных ротаций - понятие, обозначающее совокупность поколенческих, институциональных и коммуникативных разрывов социальной реальности, способных прерывать передачу социального опыта во времени. Целостная петля социальной памяти - понятие, фиксирующее диалектическое единство функций преодоления барьера ротаций, адаптации и масштабирования новации, нарушение которого приводит к остановке, забвению или незавершённости инновационного процесса.

5. Внутренне строение петли социальной памяти на макроструктурном уровне охватывает: а) функцию преодоления барьера социальных ротаций и сохранения новации в качестве особенного обстоятельства социальной реальности, б) функцию адаптации новации в качестве особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта, в) функцию масштабирования отдельной новации в статус всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического общества / страны. Присутствие петли социальной памяти макроструктурного уровня раскрыто также в качестве неотъемлемого элемента

функционирования социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти, первичные описания элементов которых прослеживаются с исторического рубежа научной новации К. Маркса и Ф. Энгельса. Различные формы соотношения статусов социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти в обществе являются онтологической основой разделения праксеологического поворота начала XX в. на направление, по которому формировалось общество социализма (рассмотрено на модельном примере СССР), и на направление, по которому формировалось общество модерна (рассмотрено на модельном примере США). Противоречие между обществом социализма (СССР) и обществом модерна (страны Запада) трансформируется в начале XXI в. в противоречие между обществом социального государства (Россия) и обществом постмодерна (страны Запада) и, как и в XX в., имеет в своей основе различные формы взаимоотношений социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти в России и в странах Запада.

6. В целом предлагаемая концептуальная основа современной диалектики отношений «социальная память – традиция – новация» охватывает диалектику отношений «современность – социальная память – традиция», диалектику отношений функций социальной памяти, объединённых в строении макроструктурной петли социальной памяти, а также диалектику взаимосвязи социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти. С этих концептуальных позиций гармонизация в отношениях «социальная память – новация» определяется в четырёх основных измерениях: 1) в научном, как концептуальная основа интеграции социально-философского и киберинформационного знания в исследовании социальной эволюции как последовательности шагов формирования системной памяти человека и общества; 2) в геополитическом, как концептуальная основа обоснования истока современной многополярности и обоснования социальной значимости государственного суверенитета; 3) в российском внутривнутриполитическом аспекте, как концептуальная основа самоопределения России в качестве правопреемницы общества социализма (а не общества модерна), продолжающей отечественную «спираль» новаций в направлении развития социального государства; 4) в аспекте вопросов сохранения и развития российских традиционных духовных ценностей, как концептуальная основа обоснования социальной значимости идейно-мировоззренческой структуры социальной памяти, являющейся общим базисом для социальных рамок организационно-государственной и хозяйственно-экономической коллективной памяти российского государствообразующего сообщества,

базисом, который может обеспечить сохранение «человека как традиции» в перспективе движения российского общества к рубежу XXII века.

Теоретическая значимость работы состоит в раскрытии философского понимания внутренней диалектической структуры социальных изменений и новаций, связанных с развитием общества, в основе которых лежит действие социальной памяти, в концептуальной проработке которой определены существенные различия между западными *memory studies* и перспективными отечественными философскими подходами. Теоретическая значимость состоит также в том, что исследование социально-философских представлений о современности рассмотрено как сфера проявления различий в понимании роли социальной памяти в современной социальной реальности, которое характерно для западных *memory studies* и перспективных отечественных философских подходов, а также в том, что исследование раскрывает роль социальной памяти в разделении социального инновационного потока рубежа XX в. на конфликтующие между собой направления, одно из которых было ориентировано на формирование общества социализма (СССР и страны социализма), а другое – на формирование общества модерна (США и страны Запада). Кроме того, на концептуальной основе современного диалектического понимания природы отношений социальной памяти определены направления гармонизации отношений «социальная память – новации» в контексте вопросов развития современной России.

Практическая значимость заключается в возможности применения материалов диссертации для преподавания дисциплин гуманитарной подготовки в вузах России, а также в том, что разработанная концептуальная модель социальных оснований гармонизации отношений «социальная память – новации» может быть использована для кооперации социально-философского и киберинформационного подхода при организации прикладных исследований социальной памяти в России, для уточнения содержания стратегических приоритетов развития России в XXI в., для уточнения приоритетов формирования и развития идейно-мировоззренческой культуры российского общества, в том числе в ходе развития гуманитарного блока в государственной системе образования.

Структура работы обусловлена логикой философского анализа заявленной темы и соответствует поставленным целям и задачам. Работа состоит из введения, двух глав, посвящённых теоретико-методологическим основаниям исследования, анализу противоречий и точек сопряжения между памятью и инновациями, а также разработке философской концептуальной основы гармонизации отношений «социальная память – новации». Завершается исследование заключением и списком литературы.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования изложены соискателем в 8 научных публикациях общим объемом 3,65 п.л., в том числе в четырех реферируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских и кандидатских диссертаций.

Основные положения диссертационной работы были представлены в докладах и сообщениях на научно-практических, международных, межрегиональных конференциях: «Диалог мировоззрений: человек в мире современной экономики» (международный симпозиум, НИУ РАНХиГС, г.Нижний Новгород, 2015, «Формирование исторического сознания и памяти в процессе обучения: крах или новые возможности?»), «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (международная научно-практическая конференция, г.Москва, 2025, «Наследие под давлением времени: философский взгляд на сохранение исторической памяти в Большой Евразии»), «Цивилизационные основы российской государственности: Диалог мировоззрений в системе многополярного мира» (международный симпозиум, НИУ РАНХиГС, г.Нижний Новгород, 2025, «Искусственный интеллект и историческая память - философия процесса»), «Цивилизационные основы российской государственности: «Научный диалог: теория и практика» (международный научный форум, г.Москва, ООО «Инфинити», 2025, «Философское понимание прогресса и инноваций в сохранении исторической памяти»), «Высшая школа: научные исследования» (межвузовский международный конгресс, г.Москва, ООО «Инфинити», 2025, «Философия памяти в эпоху искусственного интеллекта: вызовы и перспективы»).